

Батракова Олеся

11 класс, МБОУ «Лицей N2», Астрахань

Рецензия на спектакль «Медь Медеи» («Общедоступный театр Периферия») по одноименной пьесе Александра Савчука. Режиссер Александр Савчук

«Медея» Еврипида – лирическая, «Медея» Жана Ануя – пластическая, «Медея» Александра Савчука – ни с чем не сравнимая.

Команда «Периферии» всегда готова к экспериментам: с самого основания – с 2015 года – тогда ещё независимое объединение артистов астраханского драматического театра участвовало в международных театральных фестивалях. В 2017, 2018 и 2019 годах в «Периферии» проходили драматургические лаборатории «Жара» под руководством театроведа и театрального критика Павла Руднева, а в сентябре 2018 года, в ходе второй лаборатории, театр посетил Александр Савчук – руководитель экспериментального театра «Lusoges», который, увидев ереванскую актрису Эмму Мкртчян на сцене, понял, что нашёл свою Медею. Специально для Эммы театральный режиссёр написал «Медь Медеи», впервые выступив в качестве драматурга.

Савчук – режиссёр, который делает непохожие ни на что перформансы и эксперименты, поставил на астраханской сцене не просто спектакль, а трагедию по всем ее законам: не демонстрируются психологические переживания героя, который вступает в конфликт с судьбой, с роком. Сейчас этот жанр для театра – настоящая редкость.

Я захожу в камерное пространство темного зала – на полу белая простыня, на ней – ржавый лист металла, приподнятый над простыней тремя булыжниками. Справа, слева, сзади, спереди – белоснежная пустота, контрастирующая с шумной темнотой зрительного зала. Третий звонок – крик игрушечного петушка на холодильнике перед входом в зал – и будто из воздуха, подобно ведьме, появляется перед зрителями рыжеволосая Эмма Мкртчян с дьявольским взглядом исподлобья. Это уже не артистка, это –

внучка Солнца, только что убившая царя-отца, чтобы продвинуть Язона по карьерной лестнице. Ее чёрный балахон скрывает фигуру – или Медея стоит, нервно сжав кулаки, или расслабленно перекрещивает голени – нам это непонятно так же, как неясен ее внутренний мир. Хтоническая сущность, созданная на сцене Савчуком, чувствует наш интерес. Медленно поднимает руки вверх – к своим предкам-богам, не обращая внимания на быстрый темп громкой музыки, заполняющий маленькую коробку зрительного зала, она демонстрирует свою независимость не только от внешних обстоятельств, но и от мнения окружающих – в данном случае зрителей, которые ожидают совпадения звука и картинки, понятных мотивов персонажей, а видят сложную героиню, отказывающуюся удовлетворять гедонистические потребности посетителей театра. Это особая способность питерского режиссера – разочаровывать тонких ценителей классической драматургии и находить общий язык с мыслящими людьми.

Музыка остановилась по повелению рук Медеи – звон в ушах перекрывается гулом голоса греческой волшебницы: «Вот есть «Я». Когда-то не было меня. Когда-то не будет меня. Но там, где есть я – есть «Я». И вот кто-то берет, скажем, мой бывший муж, это единственное «Я», держит его в руке и говорит этому единственному «Я» – «ТЫ!» «ВЫ!» «ОНА!» «ОНИ!» «ОНО!» и бросает его наземь, как испитый до дна, треснувший кувшин...». «Я» Медеи растоптано. Язон изменил ей – гордой наследнице божественной силы Гелиоса, могучей волшебнице – и после убийства брата внучке Солнца пришлось покинуть Колхиду вместе с детьми.

Те, кто не знаком с историей Медеи, сразу проникаются горем брошенной жены, у которой осталось два ребёнка от парадоксально любимого, предавшего ее Язона. Те, кто знает о коварстве, описанном Еврипидом или авторами многочисленных статей о мифах Древней Греции, видят действие на сцене очень противоречивым – Медея совершает убийство и, лёжа на полу, выражает горе о содеянном через гипнотическую музыку, используя свой единственный инструмент – низкий голос, стелющийся как могильный

туман по пространству театра, и в ту же минуту достаёт из-за кулис обычный офисный стул, садится на него, скрестив ноги по-деловому, и, освещённая болезненным зелено-желтым светом с одного бока, рассказывает зрителям, как проходили юридические разбирательства. Каждое такое решение было оправдано любовью к Язону.

Подобно судье, завершающему приговор ударом молотка, Медея стучала камнями по листу ржавого сплава меди, рассуждая, то есть верша суд над своей неотвратимой судьбой. Думаю, Савчук выбрал этот металл не только для того, чтобы придать больший иконизм своей трагедии – любовь Медеи к предателю-Язону сладкая, как мёд, и опасная, как медное оружие. Материал, оказавшийся перед героиней, не может принести изменившему мужу ничего хорошего. Рассыпая камни над ржавчиной, она видит не только свою судьбу, но и трагедию любимого бывшего мужа.

Пустота сценического пространства постепенно заполняется приговорами – раскиданными камнями, которые, ударившись о металл, поставили очередную точку в жизни гордой женщины.

Невозможность отнесения главной и единственной героини к злу или добру, кажется, замещается на вполне определенное чувство неприязни после того, как Медея описывает убийство своих детей, цинично рассевшись в офисном кресле, холодно рассуждая о неотвратимости судьбы.

Желто-зеленые лучи из угла сцены меняются на ослепительную белизну основной рампы, мать-убийца достаёт из-под медно-каменной конструкции микрофон, затем лампу, ставит ее перед собой и падает на белую простыню, усыпанную камнями, с воем, полным искренней боли за выношенных, возвращённых и убитых детей. Гул горестной рефлексии передаётся в микрофон и маленькая коробочка зрительного зала становится размером с материнское сердце – если я моргну, то обязательно задену ресницами главную аорту. Актерский талант Эммы Мкртчян раскрывается и в этих песнях-воплях, и в ее тихом голосе, когда Медея сидит на стуле и размышляет над своим роком, и в ее умении показать мир сердца и мир

разума так, чтобы у зрителей возникла такая же боль, какую испытывает внучка Солнца при новых потерях и разочарованиях. Когда за спиной Медеи от света фонаря вырастают крылья из трёх ее теней, а микрофон падает к металлическому листу, который спрятал за собой небольшой вентилятор (кто знает, что ещё прячет медь!), создавая «белый шум» для речи Медеи – у зрителей не остаётся ни капли осуждения к глубоко страдающей женщине, которая ценит свою гордость выше собственного счастья. Ресница, щекочущая аорту, перестала упираться в узкое пространство действия, ведь давящее чувство неопределенности насчёт мотивов главной героини сменяется совместным с Медеей упоением язвами в сердце Язона – ведь это единственное, в чем у по-настоящему хтонической богини есть выбор: наслаждаться заслуженно причинённой болью, или страдать всю жизнь. Благодаря чувственной игре Эммы Мкртчян и минималистичной постановке Александра Савчука, который в каждый предмет на сцене вложил определённый смысл, громкие вопли после тихого рычания сотрясли зал, и через сильную речь о природе трагического каждый зритель познал чувство упоения неизбежными страданиями, погрузившись в вязкую атмосферу мифов и тонких смыслов.

Музыка начинается по повелению рук Медеи – звон в ушах перекрывается лишенной ритма громкой шаманской мелодией из начала спектакля.

Греческая волшебница оправдана перед людьми, на которых ей плевать, и покидает Коринф. Руки Эммы Мкртчян опускаются – зрители уверены, что это не Медея, потому что тяжелый взгляд отмщенной богини сменяется скромной улыбкой ереванской актрисы – и в воздух понимаются бурные аплодисменты.

«Медея» Еврипида – лирическая, «Медея» Жана Ануя – пластическая, «Медея» Александра Савчука – ни с чем не сравнимая, потому что для эксперимента со звуком, смыслом, светом и пространством пока не придумали подходящего термина.